

— Чжу-гер, попробуй сладенького, а еду я сама приготовлю.

Ван Чуньхуа вихрем влетела на кухню, затем таким же вихрем выскочила обратно, сунула Нин Гуйчжу свёрток и снова вернулась к плите - движения быстрые, плавные, без малейшей заминки. Нин Гуйчжу посмотрел на бумажный свёрток в руках и растерянно моргнул. Развернув угол промасленной бумаги, он увидел полный пакет засахаренных фруктов.

— Это...

Он поднял голову, собираясь что-то сказать.

Теперь Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа возили в уезд больше доухуа, и каждый день возвращались уже почти к полудню. Эти засахаренные фрукты они явно купили ещё на обратном пути. Но что значит отдать всё ему?

Однако прежде чем Нин Гуйчжу успел заговорить, Сюн Цзиньпин сказал:

— Чжу-гер, ешь.

Высокий мужчина, который обычно говорил хуже младшего брата, почесал голову и изо всех сил попытался найти тему:

— Сейчас людей много, вечером устроим поклонение учителю. Маньтоу ещё одолжим ненадолго, после обеда я съезжу в уезд купить учительские подарки.

— ...

Нин Гуйчжу беспомощно улыбнулся:

— К чему всё это? Просто поужинаем вместе, и достаточно.

Услышав это, обычно молчаливый при семье Сюн Шишань тут же сказал:

— Нельзя. В этом деле, Чжу-гер, ты должен слушать нас. Такие вещи твой старший брат всё же может себе позволить.

Сюн Цзиньпин рядом энергично закивал. В кухне Ван Чуньхуа и Лю Цюхун тоже повысили голоса, соглашаясь с ним. Улыбка на лице Нин Гуйчжу стала ещё теплее. Он сказал «хорошо», затем поднялся, вошёл на кухню, развернул свёрток с засахаренными фруктами, вместе с промасленной бумагой переложил в чашку и подошёл к свекрови с невесткой. Быстро, пока те не успели отказаться, он накормил каждую по кусочку.

— Домашний соус, масло и соль можно класть побольше, не нужно слишком экономить.

Ван Чуньхуа как раз собиралась сказать, что ей такое есть не надо, но, услышав эти слова, вместо отказа произнесла:

— Я уже положила довольно много, вкус будет.

К тому моменту, как она договорила, Нин Гуйчжу уже вынес чашку наружу. Только его неторопливое «угу» донеслось вслед, совершенно не оставляя ей возможности отказаться.

С невесткой и матушкой один способ, с отцом и старшим братом - другой. Нин Гуйчжу просто поставил чашку перед ними и сказал, что хорошими вещами вся семья должна наслаждаться вместе. Эти двое, не слишком искусные в речах, покорно протянули руки, выбрали по маленькому засахаренному кусочку и положили в рот.

Взрослые уже поели, и Нин Гуйчжу посмотрел за ворота, немного удивившись:

— А где трое малышей?

Сюн Цзиньпин ответил:

— У дома играют, скоро придут.

Обычно трое детей очень любили бегать к Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу. Сегодня они медлили по двум причинам: во дворе было много незнакомых людей, а перед выходом взрослые снова и снова наставляли их не жадничать до угощений, из-за чего дети немного растерялись.

Нин Гуйчжу этого не знал. Увидев, что дети ещё не пришли, он отнёс засахаренные фрукты обратно на маленький кухонный стол. Котята, гревшиеся во дворе на солнце, уже высохли. Стоило Нин Гуйчжу подойти, как они ещё до его прикосновения начали жалобно пищать и просить еду. Голубоватая плёнка на глазах всё ещё мешала им видеть, но это не помешало им точно вцепиться в палец Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньпин увидел это и сказал:

— Как их кормить? Давай я.

— Ничего, — Нин Гуйчжу не рискнул доверить ему это дело и, подняв котят, сказал: — Тогда присмотрите за кухней, я их покормлю.

— Хорошо.

Увидев, что Нин Гуйчжу идёт с котятами в спальню, Сюн Цзиньпин сразу остановился. Войдя в комнату, Нин Гуйчжу почти прикрыл дверь, сел спиной к двери и окну, налил подготовленный для котят яичный суп в бамбуковый лоток и, придерживая им головы, стал смотреть, как они едят.

Живучесть диких кошек и правда была сильной. Утром они ещё только сосали и причмокивали, а теперь уже вполне ловко пользовались языками. Правда, головы у них были слишком тяжёлыми, а тело слушалось плохо, поэтому они то и дело норовили ткнуться прямо в суп.

Нин Гуйчжу сидел рядом и сторожил их, пока они пили. Услышав, что во двор вошли трое детей, он повысил голос:

— Цзиньбо, на столе засахаренные фрукты, которые принесла ваша мама. Возьми их, и поешьте.

— Хорошо! Спасибо, дядюшка!

Голос Цзиньбо сразу прозвучал в ответ, следом раздались голоса Чуаньшуй и Иньинь.

Желудки у котят были маленькие, да и сегодня их уже кормили яичным супом в третий раз, поэтому вскоре они перестали есть. Нин Гуйчжу накрыл оставшийся суп и снова завернул котят в ткань.

Когда он вышел, трое детей как раз держали по кусочку засахаренных фруктов и ели с таким видом, будто это было настоящее сокровище. Увидев свёрток в руках Нин Гуйчжу, они с любопытством подошли ближе.

— Дядя, что ты держишь?

— Это котята.

Нин Гуйчжу присел, чтобы дети могли разглядеть малышей.

— Такие маленькие, — Сюн Иньинь невольно понизила голос.

Сюн Чуаньшуй тоже последовал её примеру и тихо спросил:

— Дядя, а как их зовут?

— М-м... я ещё не придумал. Подождём, когда ваш младший дядя вернётся, тогда и дадим им имена, — Нин Гуйчжу и правда совсем забыл об этом.

Сюн Цзиньбо сказал:

— Дома уже есть Даван и Эрцай, значит, они должны зваться Три и Четыре?

Услышав свои имена, Даван и Эрцай высунули головы у ворот:

— Гав?

— Не вас звали! — тоненько ответила им Сюн Иньинь.

Нин Гуйчжу, подумав над словами Сюн Цзиньбо, улыбнулся:

— Кажется, неплохо. Когда ваш младший дядя вернётся, вместе дадим им имена, хорошо?

— Хорошо-о! - Дети протянули ответ с большим воодушевлением.

Котята сегодня уже достаточно погрелись на солнце. Нин Гуйчжу занёс табурет обратно, положил котят на него и, засучив рукава, пошёл на кухню помогать.

Из-за того что Нин Гуйчжу согласился принять троих детей в ученики, настроение у Лю Цюхун сегодня было особенно лёгким. В зелень для рабочих она положила заметно больше соломки из вяленого мяса. Когда еда была готова, семья принялась расставлять столы и скамьи.

Сегодня пришли все, и Нин Гуйчжу, оглядевшись, начал переносить стол, стоявший у колодца. Увидев это, Сюн Цзиньпин и Сюн Шишань, разбиравшие во дворе бамбуковые полосы, подошли.

— Куда его нести?

— В главную комнату. Солнце уже вышло, во дворе есть жарковато.

— Тогда я пойду подвинуть стол в главной комнате.

Сюн Шишань быстро направился туда, а Сюн Цзиньпин, жестом попросив Нин Гуйчжу отойти, обеими руками поднял тяжёлый деревянный стол.

Стол был. Нин Гуйчжу вынес из спальни табуреты, пересчитал - всё равно не хватало двух. Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй тут же вызвались:

— Мы сбегаете домой за маленькими табуретками.

Сказав это, они даже не стали дожидаться ответа Нин Гуйчжу и со всех ног помчались прочь.

— Эй!

Нин Гуйчжу машинально сделал за ними пару шагов, но Ван Чуньхуа, вышедшая наружу, окликнула его:

— Пусть идут. Табуретки маленькие, ничего с ними не случится.

— Хорошо, - услышав это, Нин Гуйчжу постепенно остановился.

Он помог подготовить чашки, палочки и еду, затем окликнул рабочих, которые уже заканчивали утреннюю часть работы. Однако взгляд его всё равно невольно возвращался к воротам. Когда он увидел, как братья бегут обратно, неся три маленькие табуретки, Нин Гуйчжу вышел им навстречу и забрал их из рук детей.

— А почему три?

Сюн Чуаньшуй совершенно естественно ответил:

— Потому что сестрёнка должна сидеть на такой же табуретке, как и мы!

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Вы ещё и о сестрёнке подумали. Какие замечательные старшие братья.

Оба мальчишки тут же гордо выпятили грудь и подняли головы.

После обеда Нин Гуйчжу наконец закончил подшивать края простыни. Отложив работу, он задумчиво смотрел на постепенно растущую под солнцем каменную стену. Рука сама собой потянулась почесать запястье. Очнувшись от раздумий и опустив взгляд, он обнаружил на коже красную припухлость. На ощупь она была твёрдой.

Хотя сейчас уже наступил сезон насекомых, по этому укусу было сразу понятно - постаралась блоха. У Нин Гуйчжу заболела голова. Блохи такие маленькие, что поймать их почти невозможно. Похоже, сегодня придётся снова мыться и мыть голову. Если уж его укусили, то Цзиньчжоу, Даван и Эрцай наверняка тоже не избежали этой участи.

Людей можно вымыть. А вот собак...

Засучив рукава, Нин Гуйчжу отправился на кухню греть воду. Вскоре по двору разнеслись

жалобные завывания щенков:

— Аууу! Аууу!

Рабочие, услышав эти звуки, невольно посматривали во двор. Утром купал котят, днём - собак. Супруг из семьи Сюн и правда был невероятно чистоплотным.

Тщательно намылив и вымыв собак два раза, выловив при этом несколько блох, Нин Гуйчжу наконец успокоился. Он хлопнул мокрых псов по крупам и сказал:

— Идите сушиться на солнце сами.

Щенки тут же жалобно завyli:

— Уууу! Гав!

Мол, обиделись.

Но человек их проигнорировал и оставил лишь удаляющуюся спину.

— Чжу-гер!

Сюн Цзиньчжоу широким шагом вошёл во двор и сразу заметил Нин Гуйчжу.

— Тебя покусали?

Говоря это, он достал из-за пазухи маленький фарфоровый пузырёк, присел рядом с Нин Гуйчжу на корточки и сказал:

— Я сходил к лекарю Ло и взял мазь. Очень помогает от укусов блох и комаров.

— У меня всё не так плохо. А у тебя серьёзно? — Нин Гуйчжу взял пузырёк, поднял глаза и сразу увидел, что шея Сюн Цзиньчжоу покрыта красными пятнами.

Нахмурившись, он невольно коснулся их рукой. Сам Сюн Цзиньчжоу сначала не придавал этому значения, но, увидев тревогу на лице Нин Гуйчжу, быстро всё понял и тут же сник.

— Чешется ужасно. Не знаю, сколько там было блох, но меня покусали в нескольких местах. Очень неприятно.

Нин Гуйчжу отложил пузырёк, обеими руками помял ему щёки, заставляя улыбнуться, а затем сказал:

— На кухне уже нагрета вода. Иди помойся и вымой голову. Снятую одежду оставь у дверей купальни. Завтра я её проветрю на солнце, а потом выстираю.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу сразу забыл изображать жалость.

— А ты?

— Сначала пусть помоеся тот, кого покусали сильнее. Я пока как раз ещё нагрею воды.

Сюн Цзиньчжоу подумал и решил, что это разумно. Он обхватил ладонями лицо Нин Гуйчжу и быстро чмокнул его, а потом, прежде чем тот успел рассердиться, вскочил и стремительно скрылся на кухне. Нин Гуйчжу невольно посмотрел в сторону рабочих. Убедившись, что все заняты делом и никто за ними не наблюдает, он спокойно отвёл взгляд.

Когда Сюн Цзиньчжоу закончил мыться, рабочие тоже завершили работу на сегодня и начали расходиться. Нин Гуйчжу унёс горячую воду в купальню, а Сюн Цзиньчжоу, проводив рабочих и закрыв калитку в бамбуковом заборе, устроился во дворе мыть голову.

Он успел намылить только половину волос, когда вся семья шумной толпой пришла к ним.

— Почему ты моешь голову в такое время? — удивилась Лю Цюхун, входя во двор.

Сюн Цзиньчжоу поднял голову, почесывая кожу под мыльной пеной:

— Мам, а вы чего все пришли?

Затем ответил на её вопрос:

— Утром принесли котят, подцепили насекомых. Чжу-гер велел нам вымыться.

— А-а, вот оно что, — понимающе кивнула Лю Цюхун.

Насекомые - дело обычное, так что Лю Цюхун не придавала этому значения и с радостью ответила на вопрос Сюн Цзиньчжоу:

— Чжу-гер сказал, что готов учить троих детей твоего старшего брата грамоте.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение застыл, а потом тоже обрадовался. Как супруги, они с Нин Гуйчжу были близки; хотя иногда у него и появлялись свои мысли, в обычные дни он всё же уважал желания Нин Гуйчжу. Услышав такое, он действительно почувствовал неожиданную радость - раньше Нин Гуйчжу ведь об этом не упоминал.

Обрадовавшись, Сюн Цзиньчжоу быстро домыл голову, уже не думая о насекомых, засучил рукава и пошёл на кухню наливать всем воду. Через некоторое время Нин Гуйчжу, вымывшись, вернулся на передний двор и увидел радостную семью и троих редкостно скованных малышами. Он улыбнулся:

— Пришли? Как раз поужинаем вместе.

Не успел он договорить, как напряжённая троица, услышав его голос, повернулась и с громким «шлёп» встала на колени:

— Приветствуем учителя!

Нин Гуйчжу вздрогнул от неожиданности.

Вся семья, увидев, что эти трое опять устроили что-то чудное, одновременно и схватилась за голову, и, переглянувшись, не удержалась от смеха.

<http://bllate.org/book/14958/1705438>